

“Валькирия” - вторая часть тетралогии Рихарда Вагнера “Кольцо Нибелунга”. И второй спектакль мариинского “Кольца”, полное осуществление которого Валерий Гергиев планирует на весну 2003-го - к юбилею города.

Собственно, новая “Валькирия” - это два параллельно существующих мира. Мир музыки Рихарда Вагнера, где чувственное томление, экзистенциальные метания и декадентский душевный хаос спаяны в единый “поток сознания” и выплеснуты в зал экзотично, мощно, на эмоциональном пределе. Оркестр вместе с Валерием Гергиевым становится едва ли не главным героем спектакля - на этом уровне пронзительности не существует ни один “реальный” театральный персонаж, включая легендарного Зигмунда - Пласидо Доминго. Глубины переживаний и темные душевные лабиринты, которые являют у Гергиева низкие струнные, женственная чистота и лучистое “золото” меди - пожалуй, лишь в одном можно упрекнуть оркестр “Валькирии”: эмоциональное содержание для него важнее изобразительности, и потому сцены битв, как и знаменитый - зримый в своей пластике - “Полет валькирий”, уступают музыке смутных чувств.

В премьерной “Валькирии” Пласидо Доминго пел Зигмунда

Второй мир “Валькирии” связан со светом. Этот мир изысканно красив. Черное с лиловым. Синее с зеленоватой нотой морской волны. Причем свет постоянно меняется, словно дышит, словно живет по законам вечно развивающейся музыки.

Однако в соединении этих двух миров отсутствует одно звено - режиссура.

Вагнер не раз играл сам с собой злые шутки. Однажды - при планировке Байройтского театра. Где он, в художественных целях, упрятал под сцену оркестровую яму. Это стоило ему почти полувековой неприязни со стороны театров и певцов. Ибо закрытая яма требовала увеличения количества инструментов. А усиленный оркестр, выйдя в открытые пространства европейских залов, грозил вокалисту соперничеством, которое вполне могло закончиться срывом голоса. Также и Вагнер - драматург “Кольца” сыграл злую шутку с Вагнером-композитором. Мифологические сюжеты он справедливо считал универсальными, но, создавая поэтические тексты либретто, интригу закручивал вокруг конкретных сказочных символов: золотых колец, волшебных мечей, доспехов, шлемов. В музыке же являл мощь рефлектирующего сознания и зыбкость

Симфония с пением И светом

подсознательных тяготений, перерастающие все сюжетные границы.

Привязка углубленно-очеловеченной музыки к фабульной прямой сказки оказалась самым уязвимым звеном вагнеровского театра. И примирить звуковую часть партитуры с либретто, вернув абстрактным понятиям животрепещущее содержание, может только “компромиссный” режиссерский сюжет. А это значит: концепция спектакля, смотрящая не в сказочные дали прошлого, а в сегодняшний день, и образная мизансцена, пронзающая собою певческую статику бесконечных диалогов.

Нелегкая задача. Недаром уже современники называли оперы Вагнера симфониями с пением. Симфонией с пением и светом можно назвать и нынешнюю “Валькирию”. Художник Готфрид Пильц мыслит графией - красиво располагает валькирий в высях Валгаллы, объемами создавая несколько контрастных цветовых планов: красную глубину в синем мареве. Но он совсем не мыслит мизансценой - герои поют по очереди, “концертно” глядя друг на друга. И совсем не пытается увидеть за символом - мотивировку поступка. Оттого в его поэтическом мире так много ненужной бутафории - чего стоят хотя бы птичьи крылья Брунгильды, осуществляющей свой знаменитый полет. Банальная оперная бутафория оказывается для постановщика палочкой-выручалочкой, ибо только накрытый стол, выпитый бокал или поднятый меч проясняют упрямый в бесконечных музыкальных всплесках смысл происходящего.

Прошлогоднее “Золото Рейна”, хоть и грешило прямолинейными или окарикатуренными образами, точно определяло границы личностей миров и четко выстраивало отношения героев. Потому и актеров

удач в нем было больше, чем в “Валькирии”: один Логе - Константин Плужников, сыгравший подлость и легкий, восхитительный артистизм в неразрывном целом, уже театрально оправдывал спектакль.

Сегодняшняя “Валькирия”, несмотря на участие Пласидо Доминго, известного петербуржцам своей замечательной актерской работой - Отелло, на вершины артистического мастерства не поднялась: нет-нет да и проскакивали наигранное оперное отчаяние или штампованная страсть. Не восполнил этого пробела и вокал Доминго, во всей красе представший на Дворцовой площади в роли Самсона, пел Зигмунда культурно, грамотно, с присутствием его голоса благородными обертонами, но звукового объема не показал. Хотя несколько нот, среди которых и очень высокие, были достойны его имени.

Зиглигда - Млада Худолей формально с партией справилась, но, как и Владимир Ванеев - Вотан, никакого многообразия вокальных красок не предложила. Попыталась быть самой себе режиссером Ольга Сергеева - ее Брунгильда поигрывала воинственной сталью верхних нот, но в неагрессивных кусках сникала. И если сценически актеры-певцы не были поддержаны никак, то на уровне музыки контакт находили.

И все-таки, несмотря на отсутствие важнейшей составляющей спектакля - режиссуры, новая мариинская “Валькирия” несет огромный духовный заряд. Он - в соединении музыки Рихарда Вагнера и мироощущения Валерия Гергиева. А на компромиссность постановок вагнеровский театр все равно обречен.

Надежда МАРКАРЯН
Фото Наталии РАЗИНОЙ

Светлана - 22 июня 2001 г. (№ 129) (22919)

Валерий

22.6